

Содержание

Предисловие переводчика	7
Пролог. Настоящий Черчилль	14
Благодарности	27
Предисловие	34
Введение	35
Глава 1. Бессмертные слова	38
Глава 2. Изречения	57
Глава 3. Черчиллизмы	104
Глава 4. Писатель и оратор	142
Глава 5. Анекдоты и истории	193
Глава 6. Британия, империя и содружество	202
Глава 7. Британская форма правления	249
Глава 8. Америка	284
Глава 9. Германия	330
Глава 10. Россия	345
Глава 11. Страны мира	357
Глава 12. Война	425
Глава 13. Черчилль и военная авиация	461
Глава 14. Черчилль и армия	475
Глава 15. Черчилль и флот	492
Глава 16. Первая мировая война	512
Глава 17. Между мировыми войнами: 1919–1939	538

Глава 18. Вторая мировая война	589
Глава 19. Атомный век и холодная война	671
Глава 20. Люди	689
Глава 21. Политическая теория и практика	818
Глава 22. Политика: на внутреннем фронте	854
Глава 23. Политика: мировая сцена	915
Глава 24. Образование	947
Глава 25. Живопись	963
Глава 26. Религия	971
Глава 27. Наука и медицина	984
Глава 28. Спорт и хобби	1001
Глава 29. Лидерство	1010
Глава 30. Черчилль-провидец	1043
Глава 31. Дела личные	1065
Глава 32. Предпочтения и вкусы	1118
Глава 33. Экспромты	1145
Глава 34. Черчилль в целом	1180
Приложение I. Ложные цитаты	1197
Приложение II. Хронология	1222
Приложение III. «Кровь, труд, слезы и пот»: эволюция фразы	1239
Приложение IV. Черчиллевский центр	1246
Библиография	1248
Тематический указатель цитат	1259
Предметно-именной указатель	1280

Предисловие переводчика

Уинстон Черчилль, лауреат Нобелевской премии по литературе, премьер-министр и национальный лидер Великобритании в годы Второй мировой войны — один из самых цитируемых авторов XX века.

Человек аристократического происхождения, не имевший, однако, наследственного титула или состояния, Черчилль с молодых лет зарабатывал на жизнь литературным и журналистским трудом. В отдельные периоды — например в 1930-х годах, когда Черчилль был фактически изгнан с государственной службы и даже лишен свободного доступа на радио из-за жесткой оппозиции политике умиротворения Гитлера, — это занятие становилось едва ли не единственным источником существования для его большой семьи.

Начав в 1895-м, в возрасте двадцати одного года, с военных репортажей, посвященных Кубинской революции, Черчилль затем попробовал себя как романист в узком смысле слова. Роман «Саврола, или Революция в Лауралии» (1898, журнальная публикация), по его собственному мнению, не удался, и он полностью сосредоточился на том виде прозы, к которому испытывал наибольшую склонность: описании приключений не выдуманных, но испытанных им самим. Благо военная гусарская служба в разных уголках огромной Британской империи давала для этого множество поводов.

В том же году, что и «Савролу», Черчилль издал первую поистине *свою* книгу — «Историю Малакандского полевого корпуса»¹, посвя-

¹ На русском языке опубликована под названием «История Малакандской действующей армии». См. «Книги Уинстона Черчилля» в разделе «Библиография», где перечислены оригинальные названия упоминаемых здесь и далее работ, а в скобках приводятся названия их опубликованных переводов на русский язык, если такие существуют. — *Примеч. ред.*

ценную ожесточенным стычкам между британо-сикхскими войсками и мусульманскими повстанцами в приграничье Индии и Афганистана. Поразительно, но уже в этом раннем произведении (составленном из дополненных заметок, еженедельно отправляемых в газеты) явлен почти полный прообраз уникального авторского стиля Черчилля: подробное и яркое изложение личных впечатлений и действий на фоне масштабного политико-исторического, географического и этнографического полотна — своеобразное сочетание художественной прозы, мемуаров, путевых очерков и исторической хроники.

Развивая свой стиль и одновременно, как сказали бы сейчас, продвигая бренд «Уинстон Черчилль», будущий премьер-министр ввязывается еще в два вооруженных конфликта: подавление махдистского восстания в Судане, описанного в «Войне на реке» (1899), и Вторую англо-бурскую войну, которой посвящены «От Лондона до Ледисмита через Преторию» (1900) и «Поход Иэна Гамильтона» (1900). Основой этих книг также послужили репортажи, которые Черчилль как военный корреспондент (и часто как непосредственный участник боевых действий) отправлял в газеты с полей сражений. Плодовитость начинающего автора восхищает даже строгих критиков: пять книг за три года, причем «Война на реке» в первом издании — в двух томах и на тысяче страниц!

Еще в Индии, работая над своими первыми крупными произведениями, Черчилль решает постепенно сворачивать военную карьеру, чтобы заниматься более выгодной литературной и журналистской деятельностью, а также, если повезет, политикой. Его отец был видным представителем Консервативной партии, а какое-то время даже вторым человеком в правительстве — канцлером казначейства (министром финансов). Но в 1895 году сорокапятилетний отец умирает, и юный Уинстон чувствует себя обязанным продолжить отцовское дело. Позднее Черчилль посвятит отцу свой первый опыт биографии («Лорд Рэндольф Черчилль», 1907) — еще одного жанра, принесшего автору славу. В этом жанре также будет создан сборник «Великие современники» (1937) и четырехтомная эпопея о прапрапрапрадедушке Черчилля «Герцог Мальборо, его жизнь и время» (1933–1938).

А между тем в 1899 году Черчилль впервые пробует избраться в парламент на внеочередных выборах, терпит почетное поражение, а затем побеждает на всеобщих выборах в следующем году. Свое место в палате общин он займет в феврале 1901 года. Так начинается политическая карьера одного из величайших государственных деятелей XX века. Перечислим ее главные вехи:

- 1901 — первая речь в палате общин
- 1904 — переход в Либеральную партию
- 1905 — замминистра по делам колоний¹
- 1908 — министр торговли
- 1910 — министр внутренних дел (формально третья по значению должность в правительстве)
- 1911–1915 — Первый лорд Адмиралтейства (военно-морской министр)
- 1916 — служба на Западном фронте
- 1917 — министр вооружений
- 1919 — двойная должность военного министра и министра авиации
- 1921–1922 — министр по делам колоний
- 1924–1929 — министр финансов
- 1925 — официальное возвращение в Консервативную партию
- 1929–1939 — политическая изоляция («годы саранчи»)
- 1939 — снова Первый лорд Адмиралтейства
- 1940–1945 — премьер-министр и министр обороны
- 1940–1955 — лидер Консервативной партии
- 1951–1955 — второй премьерский срок
- 1955 — последняя речь в палате общин

За пятьдесят с лишним лет службы родной стране у Черчилля, разумеется, были свои взлеты и падения, но чаще всего его вспоминают как одного из ключевых участников двух мировых войн. И если относительно оценки его участия во Второй мировой существует почти всеобщий хвалебный консенсус, роль Черчилля в Первой мировой вызывает противоречащие друг другу суждения.

В 1915 году Черчилль был одним из инициаторов и самым горячим сторонником Дарданелльской операции — попытки вывести Турцию из мировой войны и обеспечить для Британии и Франции сообщение с союзницей-Россией через черноморские проливы. Когда операция потерпела катастрофический провал, Черчилль признал свою долю вины и смирился с тем, что его сделали козлом отпущения. Хотя справедливость требует заявить, что ответственность за дарданелльскую катастрофу лежит на всем военно-политическом руководстве союзников, а не на одном Черчилле. Основными причинами провала послужили отсутствие единого центра управления сложнейшей амфибийной операцией, что

¹ Отсутствие второй даты срока должности означает, что завершение службы совпало с переходом на следующую правительственную должность.

привело к рассогласованию действий армейских и флотских подразделений, а также, в определенной степени, недооценка способности Турции оказать сопротивление. Военный менеджмент по инерции строился на принципах малых войн Викторианской эпохи, что абсолютно не соответствовало масштабу событий мировой войны. Черчилль хорошо выучил этот горький урок: став премьер-министром в 1940 году, он первым делом учредил пост министра обороны и назначил себя на эту должность, чтобы осуществлять личную координацию всех военных действий.

Из должностей Черчилля, не связанных с мировыми войнами и военной сферой, следует особо упомянуть его эффективную работу на посту министра по делам колоний: он содействовал заключению Англо-ирландского договора и значительному снижению напряженности между имперским правительством и Ирландией, а также поддерживал еврейскую иммиграцию в Палестину, будучи последовательным сторонником сионизма. А вот главной персональной неудачей его карьеры, что он и сам признавал, следует назвать пребывание на посту министра финансов в преддверии Великой депрессии, а конкретно — его санкцию на возврат к золотому стандарту по довоенному курсу фунта стерлингов, что оказало затяжное негативное влияние на британскую экономику и затруднило ее восстановление в годы после финансового кризиса.

Наконец, на втором премьерском сроке Черчилль упорно пытался вернуть Великобритании статус великой державы, в значительной мере утраченный ею в годы послевоенного правительства лейбористов, которые проводили планомерную политику демонтажа Британской империи, считая ее пережитком прошлого. Кульминацией усилий престарелого Черчилля стало получение Великобританией в 1952 году атомного оружия — третьей страной после США и СССР. Четвертой станет Франция лишь в 1960-м.

Все же именно трагедия двух мировых войн и личная причастность к грандиозным событиям вдохновили Уинстона Черчилля создать два самых монументальных произведения его жизни — «Мировой кризис» и «Вторая мировая война». Задуманные и исполненные в рамках подхода «не история вообще, но моя история», они во многом продолжают традиции его юношеских «приключенческих» очерков, только совершенно в ином личностном и политико-историческом масштабе. Они также дают исследователям богатейший документальный, фактический и аналитический материал из уст высокопоставленного участника описываемых событий. Уникальность этих сочинений еще и в том, что в истории нет другого государственного или военного деятеля сопоставимого ранга,

который оставил бы настолько подробный отчет о своей деятельности; например, солидные мемуары Дуайта Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу» по объему приблизительно в шесть раз меньше черчиллевских воспоминаний того же периода.

Из важных текстов Черчилля остается упомянуть еще два. В 1930 году он издал блистательную автобиографию «Мои ранние годы», раскрывающую перед читателями его становление как личности до 1900 года. А в 1958-м завершил работу, начатую еще в 1930-х годах, но прерванную войной — четырехтомную «Историю англоязычных народов»; по сути, это обоснование важнейшей для Черчилля темы «особых англо-американских отношений», вдохновленной его собственным бинациональным происхождением (его мать была родом из штата Нью-Йорк).

Здесь, казалось бы, уместно поставить точку. Но нет. Дело в том, что письменные произведения Черчилля составляют лишь половину его обширного наследия — как минимум, не меньшее значение имеет его живое слово: речи в палате общин с 1902 по 1955 год и радиовыступления в период возвышения нацизма и Второй мировой войны.

При жизни Черчилля между 1903 и 1961 годами в Британии и Америке было напечатано 27 сборников его речей, из них 13 только в 1940-х годах, что неудивительно. Его речи против умиротворения нацистов во второй половине 1930-х и в поддержку боевого духа британцев и европейцев в тяжелейший период 1940–1943 годов — вершина ораторского искусства XX века.

Нобелевский комитет, формулируя причины для присуждения премии, особо отметил эту сторону черчиллевского гения: «За мастерство исторического и биографического описания, а также *блистательное красноречие, благодаря которому он стал защитником высоких человеческих ценностей*».

Чтобы проследить истоки будущих заслуг, нужно вернуться в те же далекие дни поздней Викторианской эпохи.

Ораторский пыл Черчилля впервые проявился публично за год до его кубинских опытов в журналистике. Осенью 1894 года вокруг театра-варьете «Эмпайр» в Вест-Энде разгорелось нешуточное противостояние между самозванными блюстителями нравственности, требовавшими закрыть «развратное» варьете, и «антиханжами», выступавшими в защиту широко понимаемой свободы: первые возводили вокруг театра баррикады, вторые, и среди них юный кадет Черчилль, эти баррикады сносили. В одно из «сражений» Уинстон взобрался на вражескую баррикаду и обратился к толпе с пламенной речью, призывая голосовать на ближайших выбо-

рах против сторонников репрессивных методов. В те же дни он написал письмо в либеральную *The Westminster Gazette*, мудро аргументируя позицию «антиханжей» тем, что попытки утвердить нравственность с помощью принуждения обычно вызывают противоположный эффект. Письмо он подписал своими полными инициалами, едва ли кому-либо известными в тот момент вне круга семьи: WLSC — Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль.

Но целенаправленно развивать свои ораторские способности он начал позднее — в Индии и Египте в период с 1898 по 1899 год, когда уже принял решение попытаться счастья в политике и работал над «Войной на реке». Желая убить сразу двух зайцев, он обращается к услугам стенографисток, чтобы диктовать текст и одновременно практиковаться в выразительной устной речи. Этот метод он будет применять при сочинении всех последующих трудов: они не столько «написаны», сколько надиктованы.

Выйдя в отставку и вернувшись в Англию в середине апреля 1899 года, Черчилль намеревался участвовать в выборах 1900 года, представляя Консервативную партию в Олдеме близ Манчестера. Однако подворачивается случай испытать себя раньше: текущий депутат от Олдема скоропостижно умирает, и на 6 июля назначаются внеочередные выборы. За шесть дней подготовившись к избирательной кампании, Черчилль начинает выступать на митингах, иногда произнося по три-четыре речи за один вечер. Хотя он и проиграл с незначительным отрывом, именно тогда он прочувствовал, насколько это занятие близко ему и каким мощным может быть его воздействие на слушателей. На всеобщих выборах в следующем году он побеждает и, ожидая сбора парламента, проводит месячный лекционный тур по Великобритании и Ирландии, рассказывая о своих южноафриканских приключениях и делясь взглядами на животрепещущие политические вопросы, а затем отправляется на два месяца в такой же тур по США и Канаде. Возможность хорошо заработать он использует также для совершенствования своих ораторских и полемических навыков. В 1902 году его первая речь в палате общин становится самой широко освещаемой и обсуждаемой речью начинающего политика в британской истории.

Русскоязычному читателю доступны переводы почти всех больших произведений Черчилля, кроме написанных им биографий (отца и Мальборо). Однако наследие Черчилля как оратора представлено весьма избирательно. Для читателя, желающего начать знакомство с огромным и разнообразным наследием великого британца, освежить в памяти любимые места из его

речей и произведений или просто узнать его мысли по тому или иному поводу, такие сборники незаменимы.

Предлагаемая читателю книга не просто восполняет возможные пробелы — она сразу дает наилучший из ныне существующих образец.

Составитель книги Ричард Лэнгворт (р. 1941), командор ордена Британской империи, многолетний руководитель Международного Черчиллевского общества и главный редактор ежеквартального издания *Finest Hour* — один из ведущих мировых специалистов по Черчиллю. После безвременной кончины в 2015 году официального биографа Черчилля Мартина Гилберта его по праву можно назвать первым среди небольшого круга равных.

Ричарду Лэнгварту удалось воплотить в одном объемном томе наиболее полный и всесторонний свод главных изречений, размышлений и ключевых фрагментов речей и текстов Уинстона Черчилля. В этой безупречно структурированной книге Черчилль разнообразно представлен как политик, военный лидер, оратор, мыслитель и живой человек, небезосновательно считавшийся эталоном мудрости, красноречия и остроумия.

Сам Черчилль считал свое время эпохой больших событий и маленьких людей, в отличие от предыдущих эпох «великих людей и незначительных событий». Однако его собственная жизнь вносит важный корректив к этому суждению. Она доказывает: при всех потрясениях и ужасах первой половины XX века находились личности, способные не только противостоять огромным событиям, но и направлять их к всеобщему благу. В наше непростое время это внушает надежду на то, что и сейчас такие люди есть среди нас.

Арсен Петросян

ПРОЛОГ

НАСТОЯЩИЙ ЧЕРЧИЛЛЬ

Меня часто спрашивают: «Зачем изучать Черчилля? Ведь ему нечего сказать в наше время». Однако в моей работе, открывая папку за папкой в архиве Черчилля, с момента его прихода в правительство в 1905 году и до отставки в 1955-м (а это полвека!), я неизменно поражаюсь истинности его суждений, современности его мысли, оригинальности его ума, конструктивности его предложений, его человечности и — что удивительнее всего — его предвидению¹.

Сэр Мартин Гилберт,
Командор ордена Британской империи

У этой книги простое назначение: предложить читателю самое полное собрание когда-либо опубликованных цитат, экспромтов, афоризмов, поговорок и размышлений Уинстона Черчилля — с указанием источников, комментариями и перекрестными ссылками. Используя знаменитую фразу Томаса Джефферсона, можно сказать, что в этом сборнике содержится всё, сказанное Черчиллем о жизни, свободе и стремлении к счастью².

«Всё» — это, пожалуй, преувеличение. Приблизительно из 350 000 слов этой книги подавляющее большинство принадлежат Черчиллю. Однако эти слова представляют лишь 0,2% из его 15 миллионов опубликованных слов — книг, статей, речей, писем и документов. Несомненно, я пропустил какие-то заслуживающие внимания цитаты, но при этом уверен, что сущность его остроумия, мудрости и непреходящей актуальности отразить здесь удалось.

Слова Черчилля и еще 35 миллионов слов о нем, написанных или сказанных коллегами, биографами и друзьями, составляют информационный массив, на который опирается настоящая книга (см. раздел «Благодарности»). Цифровая база данных, составленная из оптических сканов этого обширного материала, позволяет проследить цитаты до их

¹ Churchill for Today. Finest Hour 73. Fourth quarter 1991, 11.

² Из Декларации независимости США. — *Примеч. перев.*

источка. Каждая из 4120 записей в базе данных подкреплена надежными источниками; в ней нет ни одного высказывания, исключаящего точную атрибуцию. Эта же технология позволила выявить многочисленные «ложные следы» — цитаты, приписываемые Черчиллю ошибочно; они приведены в Приложении I.

Зачем нам нужен еще один «цитатник» Черчилля? Затем, что, несмотря на отдельные прекрасные попытки, ни одна из предыдущих книг не дает всеохватного и точного отображения его вневременного значения, его предвидения, остроумия и мудрости.

Интернет, очень полезный во многих отношениях, может помочь в этом деле лишь отчасти: он переполнен цветистыми искажениями или высказываниями, которые Черчилль никогда не делал. В одном случае Черчилль цитирует чужие слова, в другом — мы сталкиваемся с городской легендой, которую невозможно с достоверностью приписать кому-либо. Например, вопреки тому, что Черчилль прославился замечанием, что демократия — «наихудшая форма правления, не считая все прочие, которые человечество пробует время от времени», он не был автором этих слов — и никогда не претендовал на это. (Вообще-то у него было множество куда более мудрых мыслей о демократии: все они в этой книге.)

Качество слов

Подобно Библии, Уинстона Черчилля цитируют философы, мыслители и политики любых взглядов. В этом нет ничего удивительного: он исполнил ведущие роли на политической сцене в течение полувека (что само по себе достижение, не превзойденное ни одним другим политиком) — а это достаточно долгий срок, чтобы успеть наговорить много чего, с чем согласится каждый или что можно толковать по своему вкусу. Однако, как мне кажется, причина, по которой Черчилль — настолько притягательный источник цитат, это высокое качество его слов.

Опираясь на фотографическую память о прочитанных в юности книгах великих писателей и собственный впечатляющий словарный запас, Черчилль оттачивал свою прозу в самых трудных условиях из всех возможных — в палате общин. Майкл Доббс, автор исторических романов настолько точных, что они выглядят документальными, отмечает ключевые особенности опыта, который дает палата общин:

Выступающие в палате общин отдаются в руки опасности, ибо, еще не начав говорить, они вдруг понимают, что зеленый ковер, на котором

они стоят, превратился в песок. Иногда им удается запечатлеть след в парламентских песках, который сохранится — оставить по себе память, которая будет восхищать их детей и внуков. Впрочем, намного чаще их следы смывает вечерний прилив. А иной раз политики обнаруживают, что ступили на зыбучий песок, который вот-вот поглотит их целиком¹.

Невозможно переоценить влияние на Черчилля этого прославленного законодательного собрания, которое он считал своим «естественным обиталищем». Треть приведенных здесь цитат — со значительным перевесом это самый большой из отдельных источников — относятся к дебатам в палате общин. Черчилль порой действительно ступал на зыбучие пески, однако он оставил след, который не исчез и поныне.

Сам Черчилль скромно отмечал: «... вы должны помнить, что я всегда зарабатывал себе на жизнь пером и языком»². Его письменный канон так же объемён, как и его речи: его перу принадлежат свыше сорока печатных произведений в более чем шестидесяти томах, а также тысячи статей. Необъятная переписка Черчилля представлена в сопроводительных томах его «Официальной биографии» или в сборниках, подобных этому: «Сами о себе: личные письма Уинстона и Клементины Черчилль» (*Speaking for Themselves: The Personal Letters of Winston and Clementine Churchill*) леди Соумс.

Пожалуй, я не зайду слишком далеко, если предположу: в 1940 году Британия смогла выжить и сбересть свободу для всего мира благодаря тому, что ею руководил профессиональный писатель. В то время, когда у его страны был крайне ограниченный арсенал других вооружений, Черчилль «мобилизовал английский язык и отправил его в бой», как выразился Эдвард Р. Мёрроу.

Каждому, кто сомневается в ценности чтения «великих книг», стоит вспомнить Черчилля. Что он не придумал сам, то обычно черпал из своих широких познаний в классической литературе, от Библии до Шекспира. В апреле 1941 года, в тот мрачный период Второй мировой войны, когда Британия сражалась в одиночку и вмешательство американцев и русских еще не предвиделось, Черчилль напомнил соотечественникам слова Клафа, понимая, что в ту более просвещенную эпоху их сразу же узнают:

¹ *Dobbs M. Whispers of Betrayal. L.: HarperCollins, 2000.*

² Речь в Вестминстер-холле, Лондон, 30 ноября 1954 г.

<p>For while the tired waves, vainly breaking, Seem here no painful inch to gain, Far back, through creeks and inlets making, Comes silent, flooding in, the main. And not by eastern windows only, When daylight comes, comes in the light; In front the sun climbs slow, how slowly! But westward, look, the land is bright.</p>	<p>Пока устало бьет волна О неприступность темных скал, Рождает моря глубина Огромный, самый страшный вал. Зарю дарует нам восток, И солнце прогоняет тень: Взгляни на запад — близок срок, Когда там воссияет день!¹</p>
---	---

Этого требовал момент — и таких моментов, связанных с делами великими и малыми, было еще много. В 1955 году Черчилль писал королеве, перед которой преклонялся:

Наш остров более не обладает таким же авторитетом и могуществом, как в дни королевы Виктории. Огромный мир бушует вокруг него, и даже после всех наших побед мы не могли бы претендовать на то положение, которое занимаем, если бы не уважение к нашему характеру и здравому смыслу и не всеобщее восхищение, не лишнее, впрочем, зависти, нашими общественными институтами и образом жизни. Последние лишь упрочились в начальные годы нынешнего царствования. И то, что здание нашего новообразованного Содружества скрепляется и озаряется блистательным присутствием на его вершине, я считаю самым прямым знаком Божьей милости, какого мы еще не удостоивались за все долгое время моей жизни².

«И если вы, дамы и господа, позволите мне замечание в скобках, — вопрошает профессор Дэвид Дилкс, процитировав этот отрывок, — не тоскуете ли вы иногда по личностям на вершине нашей общественной жизни, которые были бы способны мыслить и писать на таком уровне?»³

¹ Перевод С. Чернина. Цит. по: *Черчилль У. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля*. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. С. 374.

² Черчилль — королеве, с Сицилии, 18 апреля 1955 г. ОВ VIII, 1127, 1128.

³ *Dilks D. The Queen and Mr. Churchill // Finest Hour 135, Summer 2007*; по замечаниям в Королевском обществе Св. Георгия 6 февраля 2007 г.

Черчилля часто цитируют по частным беседам, в которых он, как вспоминает его дочь леди Соумс, был недалек от своей «ораторской ипостаси». По какой причине, помимо славы Черчилля, столь многие люди записывали его высказывания? Радиоведущий Коллин Брукс полагал, что Черчилль был «эталонem» редкой породы людей — тех, кто говорит и много, и хорошо, даже если и не всегда по какой-то глубокой теме:

Его славе оратора не помогают, но вредят образчики его быстрого, порой злобного остроумия, которые разлетаются по клубам и попадают в газетные разделы сплетен...

Никогда еще не встречалось оратора, одаренного столь разнообразно, оратора, которого слушали с таким же упоением и в котором было так мало от резонера. Никогда еще в человеке, столь преданном точности и словесной утонченности, не было так мало от педанта... Сэра Уинстона Черчилля в равной мере приветствовали бы и Фальстаф в Истчипе, и Бен Джонсон в таверне «Русалка», и Эдмунд Берк с Сэмюэлом Джонсоном в «Митре» — то есть в любом окружении, где речь мужественна, остроумие и юмор спонтанны, эрудиция непритворна и где вкус — главнейшее качество¹.

Последовательность и глубина суждений

Если Черчиллю приходила на ум удачная фраза, он не колеблясь использовал ее снова, вследствие чего его мысли удивительно последовательны на протяжении полувека. Например, я часто наталкивался на словосочетание «любопытный факт», которым описывалась какая-нибудь характерная черта британцев. Я ввел эту фразу в свою поисковую программу и обнаружил, что Черчилль употреблял «любопытный факт» десять раз, и каждый из них — чтобы проиллюстрировать нечто странное или заслуживающее внимания, от спора Гурта и Вамбы о происхождении норманнской говядины (в черчиллевском пересказе «Айвенго» в 1933 году) до склонности парламентариев обсуждать телевидение вместо внешней политики в 1953-м. Каждый пример «любопытного факта» включен в настоящую книгу. Эта подборка может очень много рассказать нам о мышлении Черчилля.

Кропотливо исследуя черчиллевское словесное наследие, я был впечатлен его суждениями, которые — вопреки всем его критикам со времен Дарданелльской операции в Первую мировую — были в высшей степени

¹ *Brooks, Collin, in: Eade, 240, 248.*

уместны и обычно обоснованны. Тед Соренсен, советник и спичрайтер президента Кеннеди, подчеркивал приоритет суждений перед организацией, структурой, процедурами и аппаратом: «Все это, разумеется, важно, но это ничто по сравнению с правильными суждениями». Два профессора экономики, несколько лет изучавшие лидерство во всех сферах американской жизни, пришли «к неизбежному выводу, что способность суждения в большинстве случаев превосходит опыт... Лидерство, по своей сути, — это хроника решений на основе личного суждения»¹.

Однако Черчилль часто смягчал свои первоначальные суждения, пересматривал их и, если необходимо, изменял. «У него всегда были мысли второго и третьего порядка, — пишет Уильям Манчестер, — и обычно они улучшались со временем. Его способ реагирования на любую политическую проблему характеризовался тем, что его первый отклик часто бывал эмоциональным и даже недостойным его, однако затем разум и великодушие, как правило, перевешивали»².

Если бы не Вторая мировая война, отдельные упоминания об ораторском таланте и мудрости Черчилля, вероятно, остались бы лишь в сносках учебника истории. Однако у нас все равно была бы его литература, заслужившая Нобелевскую премию; пять объемных томов речей до 1940 года; размышления о жизни, тирании и свободе; незабываемое остроумие и радостная человечность. Кто сказал бы, что подобная книга невозможна?

Многозначительная пауза

Грэм Которн, проницательный наблюдатель парламентской сцены, приоткрывает для нас механику подготовки выступления и ораторскую технику Черчилля, которую трудно передать в письменном виде: расчетливое использование моментов, когда его речь прерывало замечание кого-либо из коллег в послевоенном парламенте:

Планируя свою речь, Уинстон учитывает все. Говорят, он даже пытается предусмотреть, в каком месте его, скорее всего, перебьют. И тогда, если это происходит, у него обычно заготовлена эффектная реплика. Несомненно, он поступал так в речах о бюджете, когда был канцлером

¹ *Bennis W. and Tichy N. Judgment Trumps Experience // New York Times, 29 November 2007.*

² *Manchester I, 843, 844.*

казначейства. Эти речи строились таким образом, что объявление об изменении налогов оказывалось ответом на возражение. Он обычно «ходил вокруг да около», пока кто-либо из оппозиционных парламентариев не восклицал нетерпеливо «Что с того?» — и тогда, словно удар, следовало объявление...

«С чего начинается семья?» — задавал Уинстон риторический вопрос. И сам же отвечал на него: «С того, что молодой человек влюбляется в девушку!» Его оппоненты охотно пользовались случаем посмеяться. Но он ни капли не был обескуражен. Казалось, он заранее рассчитывал именно на такую их реакцию, ибо, широко улыбаясь и сдерживая смех, он провозглашал им: «Лучшей альтернативы пока не придумали!» Благодаря шутке его пассажи запомнились надолго¹.

Актуальность этой книги

Единственной статьей, посвященной Черчиллю в первом издании Оксфордского словаря цитат (*Oxford Dictionary of Quotations*), опубликованном в мае 1941 года, была «терминологическая небрежность» (глава 2). Однако месяцем ранее Черчилль произнес по радио вышеприведенные строки Клафа в ответ на февральское обращение Рузвельта, когда тот цитировал Лонгфелло (см. «Дайте нам орудия!» в главе 1), и редактор ОСЦ Бернард Дарвин отметил это в своем предисловии: «Мы были, как никогда, уверены в том, что г-н Черчилль — именно тот человек, который нам нужен». Сейчас в ОСЦ включена сорок одна фраза Черчилля: похвально, но едва ли достаточно.

В последнем довоенном издании «Известных цитат» Бартлета (*Bartlett's Familiar Quotations*) (Черчилль: «... изумительная книга, и я внимательно изучил ее»²) не было вообще ни одной цитаты Черчилля. В текущем издании их шестьдесят девять. Достойна восхищения редакторская бережливость, породившая столь рафинированный сборник. Но надеемся, что настоящая книга добилась несколько большего.

Как составитель я пытался избегать предположений о соотносительности высказываний Черчилля с современными делами. То, что сейчас у нас на уме, через десять лет может показаться не таким уж и захватывающим. Хотя я идентифицировал для читателя людей, места и события,

¹ *Cawthorne G. The Fabulous Parliamentarian: Mr. Speaker, Sir. L.: Hume Press, 1952. 24–26.*

² MEL, 130.

я старался не объяснять и не рационализировать мысли Черчилля. Ему не нужен толкователь, чтобы подчеркнуть его актуальность среди огромного множества проблем, похожих на его проблемы, но не тождественных им.

Например, мессианская настойчивость, с которой левые лейбористы противодействовали британским испытаниям атомной бомбы в 1950-х годах, напоминает пылкое сопротивление современных политиков определенного рода любым мерам национальной обороны. Однако пройдут годы, и эти вопросы, если на земле установится мир, будут сняты с повестки дня. А слова Черчилля в любом случае останутся. Они говорят сами за себя.

Не все цитаты исключительны, и я не отстаиваю тот тезис, что наш герой — единственный источник выдающихся суждений. Однако Черчилль обладал уникальным красноречием, и в оставшихся после него обширных архивах в виде публичных и частных документов обнаруживается больше ценных цитат, чем в наследии большинства других лидеров.

Могут сказать, что в своих примечаниях я пытаюсь, насколько это возможно, представить слова Черчилля в самом выгодном свете. Однако Черчилль проживал жизнь по-крупному. Если его ошибки, как и его достижения, и были масштабными, последние, я уверен, перевешивают первые. Никакого «ревизионизма» тут нет.

Эта книга — действительно «Черчилль дословно». Как он отметил в Фултонской речи о железном занавесе в 1946 году: «Здесь нет ничего, кроме того, что вы видите». Все цитаты принадлежат исключительно ему. Из всех сил я старался цитировать Черчилля так, чтобы цитаты не казались вырванными из контекста. Кто-то скажет, что те или иные его замечания — это просто здравый смысл; мой ответ таков: как часто нам встречаются политики, в словах которых так же много здравого смысла?

Порядок изложения

Обычный порядок в книге — алфавитный по темам, затем хронологический по датам (как в главе 1 «Бессмертные слова»). Однако отдельные главы требуют иного порядка для удобочитаемости. Например, цитаты об Америке (глава 8) разделены на два подраздела: вначале идут англо-американские «особые отношения» (одна из главных тем Черчилля на протяжении всей жизни), а затем общие замечания об Америке и американцах.

В других главах, как, например, тех, что посвящены двум мировым войнам, межвоенному периоду и атомному веку (главы 16–19), цитаты вначале приводятся по годам (синхронно с происходящими событиями),

а затем, в качестве «общих наблюдений», в алфавитном порядке по темам. Благодаря этому принципу читатель, например, сможет отслеживать события Второй мировой войны, не нарушенные строго алфавитным изложением.

Ссылки

Ради краткости я не привожу полное название каждого источника, но указываю (в этом Прологе и везде в книге) ключевые слова, которые расширяются в Библиографии.

Например, «ОВ» означает «Official Biography, Winston S. Churchill» («Официальная биография Уинстона С. Черчилля»). «ОВ, CV5/3» — «Official Biography, Companion Volume V, Part 3: Documents: The Coming of War 1936–1939» («Официальная биография, сопроводительный том V, часть 3: Документы: Приближение войны, 1936–1939»). «Crisis IV» («Кризис IV») отсылает к тому IV «Последствия» (The Aftermath) в мемуарах Черчилля о Первой мировой войне «Мировой кризис» (The World Crisis). «Марш» — к книге Эдди Марша «Несколько человек» (A Number of People), «Nicolson II» — ко второму тому дневников Гарольда Николсона. Труды плодовитых авторов, таких как Мартин Гилберт, обычно идентифицируются по двум словам: «Gilbert, Search» («Гилберт, Поиски»), что отсылает к превосходному отчету сэра Мартина о собственной работе «В поисках Черчилля» (In search of Churchill). Все ссылки исчерпывающе идентифицируются по Библиографии.

Любая цитата *без* указания источника относится к речам Черчилля в палате общин: их источниками могут служить официальные отчеты о парламентских дебатах (Hansard) или «Уинстон С. Черчилль: полное собрание речей, 1897–1963» (Winston S. Churchill: His Complete Speeches 1897–1963 / CS I — CS VIII). Атрибуция высказываний, относящихся к другим местам, приводится всегда — либо по «Полному собранию речей», либо по отдельным сборникам речей Черчилля (см. раздел «Библиография»).

В нескольких случаях — таких как «Лестница в темную пропасть» (глава 1) и «Войны великих держав» (глава 30) — речь в палате общин цитируется не по официальным парламентским отчетам и не по «Полному собранию речей», но по одному из сборников речей Черчилля. В данном случае — по сборнику «Вооружения и Устав» (Arms and the Covenant), Covenant. Эта прекрасная заключительная часть речи не была воспроизведена в парламентских отчетах и, следовательно, отсутствует в «Полном

собрании речей». Возможно, Черчилль, неутомимый редактор, добавил эти слова в книжной версии. В тех немногих случаях, когда его книги расходятся с парламентскими отчетами, я опираюсь на опубликованный им текст.

Датировка

Приведенная дата — всегда самая ранняя из относящихся к данной цитате. Иногда можно точно датировать цитату периода Второй мировой, даже если она взята из послевоенных мемуаров Черчилля, потому что ее датировка указана самим Черчиллем. Если же такой возможности нет, то приведенная датировка повторяет дату первой публикации книги или статьи.

Например, лаконичное замечание Черчилля о политике военного времени «безопасность прежде всего» (глава 12 «Война»: «Принятие риска») датируется 3 ноября 1940 года, поскольку именно так она датирована в «Их самом славном часе»¹, хотя эта книга и была издана лишь в 1949 году. Однако его высказывание о том, что «нельзя гарантировать успех на войне» (глава 12 «Война»: «Афоризмы и размышления»), датируется 1949 годом, потому что в той же книге не указано никакой конкретной *более ранней* даты.

Места

Места и населенные пункты, кроме Лондона, Чартуэлла и Даунинг-стрит, указываются, если они известны. Цитаты из выступлений по радио приводятся именно в этом качестве и с указанием источника. Если высказывание встречается и в статье, и в книге, ссылка дается на книжное издание.

Ложные цитаты

Забавный пример дурного совета, который часто повторяют составители сборников цитат: «Если сомневаешься в авторстве, припиши любое

¹ Русский вариант перевода названия второго тома книги «Вторая мировая война» *Their Finest Hour* (цитата из речи Черчилля от 04.06.1940 г. «Это был их звездный час») приводится по изданию: *Черчилль У. С. Вторая мировая война: В 6 т. Т. 2: Их самый славный час / Пер. с англ. под ред. А. Орлова. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1998. — Примеч. ред.*

широко известное уместное высказывание Черчиллю, Шекспиру, американской Декларации независимости, председателю Мао или Библии. Это добавит авторитета, и, если повезет, никто ничего не заметит». Как же, не заметят!

Сэр Мартин Гилберт продолжает: «Дилемма аутентичности всегда актуальна в случае Черчилля, которому каждый, естественно, хотел бы приписать свою любимую историю». Многие старые анекдоты «объявляют Черчилля своим автором, чтобы повисить к себе интерес. Разве Черчилль говорил когда-либо Нэнси Астор: «Если бы я был вашим мужем, я бы выпил его» после ее фразы «Если бы я была вашей женой, я бы подсыпала вам яд в кофе»? Не имею ни малейшего представления, хотя несколько старожиллов намекали мне, что прототипом Уинстона в этой истории был Ф. Э. [Смит]¹ (значительно превосходивший Черчилля в пристрастии к алкоголю и известный своим едким остроумием)»².

Как все знают, интернет — это настоящий электронный Уголок ораторов, подобный тому, что в Гайд-парке. Полагаться на него при подтверждении цитат Черчилля опасно. Интернет полон предполагаемых цитат — фраз, которые Черчилль либо никогда не произносил, либо позаимствовал у другого оратора. Проверка каждой цитаты, в интернете или где-либо еще, — это прежде всего установление того, сопровождается ли она атрибуцией. Если нет, это может быть чистейшей воды выдумкой — словами, кем-то вложенными в уста Черчилля.

Возьмем в качестве примера знаменитую фразу Черчилля, якобы сказанную Рузвельту³ после выхода нагишом из ванной: «Премьер-министру Великобритании нечего скрывать от президента Соединенных Штатов»⁴. Можно ли поверить в это? Поскольку с этим не связано ничего особо важного, и при условии, что едва ли разумно подозревать телохранителя Черчилля Уолтера Томпсона (который первым цитирует эти слова) в неправде, а также при значительном правдоподобии, я заключаю, что в это можно поверить.

Гарри Гопкинс, советник Рузвельта, достаточно часто повторяет свою версию этой фразы (используя «утаивать» вместо «скрывать»), что дает дополнительное основание для признания ее достоверности. Этим со-

¹ Лорд Биркенхед — см. главу 20. — *Примеч. перев.*

² *Gilbert, Search, 232.*

³ Во время трехнедельного пребывания Черчилля в Белом доме в 1941 г. — *Примеч. перев.*

⁴ *Thompson, Assignment, 248; Lowenheim, 8; Pilpel, 142.*

ображениям, как кажется, противоречит свидетельство самого Черчилля. Роберт Шервуд однажды набрался смелости и спросил напрямую, соответствует ли эта история действительности. Черчилль ответил, что это «вздор» — что он «никогда не принял бы президента, не обернувшись хотя бы баннным полотенцем».

Относительно содержания этой фразы Черчилль добавил: «Едва ли я мог сделать подобное заявление. Да и сам президент понял бы, что это не может быть правдой в строгом смысле слова». Однако Черчилль также признавался королю, что был «единственным в мире человеком, который принимал главу государства нагишом» (глава 33 «Экспромты»: «Встреча в голом виде»).

Итак, истина уклончива, но что особенно важно в этом легкомысленном эпизоде — каковы бы ни были реальные факты, приведенные слова согласуются с личностью Уинстона Черчилля. Еще существеннее то, что они согласуются с полным отсутствием церемоний во взаимоотношениях Черчилля и Рузвельта: их товарищеским сотрудничеством, несмотря на многие разногласия.

Черчилль в ретроспективе

Как четвертьвековой редактор *Finest Hour*¹ я постепенно пришел к пониманию уникальности нашего героя. Недавно, обсуждая с леди Соумс одно из пророческих высказываний ее отца, я был поражен ее вполне спонтанным и, как мне показалось, немного грустным замечанием: «А ведь он был единственным в своем роде, не так ли?» Это правда.

Пусть же Грейс Хэмблин, его секретарь с 1932 года, резюмирует сущность Уинстона Черчилля словами, совпадающими по духу с признанием Мартина Гилберта в начале этого пролога:

Потом я поехала с семьей на погребение, которое должно было состояться недалеко от его любимого места рождения — Бленхеймского дворца. Тихая и скромная служба на деревенском погосте была для меня куда трогательнее грандиозной помпы и торжественности государственной церемонии в Лондоне... Я задумалась над тем, что заставляло любить и уважать эту энергичную, но мягкую личность — и такого прекрасного начальника.

¹ «Звездный час» (*Finest Hour*) — ежеквартальное издание Черчиллевского центра. — *Примеч. перев.*